„Народная газета", 2001, №54, 6 сентября

Арцибашев Сергей

Главному режиссеру Театра на Покровке и замечательному артисту Сергею АРЦИБАШЕВУ в сентябре исполняется 50 лет, а возглавляемому им театру - 10. Поздравляем от души!

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПО... ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

- Сергей Николаевич, а как вы стали актером?

- Я родился в поселке. Далеком, таежном. На севере Свердловской области. Мама – учительница, отец – лесник. Актером я стал, потому что с первого класса меня увлекла самодеятельность. У нас была большая семья. Я - четвертый сын, после меня родились еще две девочки. Мы, дети, не могли долго сидеть на шее у родителей. И когда в восьмом классе пришла пора определяться, я по проторенной дорожке решил вырываться из этого поселка в областной центр Свердловск. Братья поступили в политехникум. Мой выбор, кажется, также должен был быть определен. Но здесь сработало природное упрямство - я попытался сломать традицию. Решил пойти в театральное училище и объявил об этом родителям. Отец запретил мне это категорически, мотивируя тем, что это – не профессия. Я на время согласился и уехал в Свердловск поступать в техникум.

В Свердловске работал областной театр, в котором я ни разу не был. Свой первый поход туда запомнил на всю жизнь. Причем, как обстоятельный уралец, долго расспрашивал кассира, какое место лучшее (экономил деньги), и наконец оказался в первом ряду партера, в центре.

До сих пор помню замечательный спектакль "Мещане" Горького. Помню, как открылся этот занавес, на меня пахнуло запахом клея, папье-маше, пыли и еще чего-то театрального... И я понял, что это – мой запах, я готов им дышать всю жизнь. Обучаясь для папы профессии, я начал параллельно заниматься искусством в народном сатирическом театре. Потом сам организовал драматический кружок, пьесу поставил, изучил теорию режиссуры. Начал ходить в библиотеку – прочитал всего Станиславского, Немировича-Данченко, Таирова, Мейерхольда. Я читал обо всем, что было так или иначе связано с профессией режиссера. Пришлось и техникум оканчивать, и отслужить в армии. Зато я от отца теперь уже не зависел. Началась моя собственная судьба. Папа был спокоен: он дал мне профессию.

- Как она называлась?

- Техник-электрик электрических станций, сетей и систем.

- То есть "самый главный по электричеству"?

- Вот именно. После армии поехал в столицу поступать в театральное училище, но срезался. Кстати, все меня тогда отговаривали: "Ну посмотри на себя, ну разве бывают такие актеры?". Я невысокого роста, невзрачный, невпечатляющий какой-то... (*между прочим, этот текст произносится очень кокетливо и артистично.* – **Е. А.**)

Но, честно говоря, еще не став артистом, я уже мечтал о режиссерской судьбе. Верил, что это мой путь: что-то меня туда толкало. Но поступил в Свердловское театральное училище на актерское отделение. В этом же городе я встретился с замечательным педагогом Василием Константиновичем Козловым. Есть встречи судьбоносные, эта была именно такой. Он поверил в меня, а я – в него. И мы заставили всех окружающих поверить в нас. Я стал на курсе лидером. За год до нашего выхода из стен училища Василий Константинович умер. А это был самый ответственный год. Курсу нужен был какой-то руководитель, а все педагоги отказывались, никто после Козлова брать нас не рисковал. И тогда курс сказал: "Нам вообще не надо руководителя. У нас уже есть руководитель – Арцибашев". Администрация задумалась: ну не может студент курса быть руководителем этого курса. Выходит, может - и я стал на год художественным руководителем своего курса.

Вместо положенных четырех спектаклей мы за год самостоятельно поставили еще четыре. Когда из Питера приехала государственная комиссия смотреть на нас, они даже вначале не захотели разговаривать: "Как студент? Какое безобразие! Как допустили?!". Но все-таки просмотр состоялся, и тогда они развели руками...

Козлов прекрасно понимал, что актерская профессия – зависимая. И часто мне говорил: "Вот как бы вам найти такого режиссера, который бы в вас поверил, увидел бы ваши возможности...". Проводил примеры Евстигнеева и Ефремова. А я-то знал, что такой режиссер уже есть. Им был я сам.

- Это был момент, когда вы вплотную подошли к режиссуре?

- Нет. Режиссурой я начал заниматься с детства. Я устраивал в своем поселке спортивные соревнования "Кожаный мяч", прочитав вырезку из газеты. В 13 лет сам организовывал дворы, кварталы нашего поселка для игры в футбол: восемь кварталов – восемь команд. Все было по-настоящему: судьи, протоколы матчей, новенькая спортивная форма, кеды... Сам все пробивал. Отца попросил, чтобы разметили и расчистили нам поле. Ну просто мировое первенство.

Я создал свою команду. Оказалось, что одной команды мало, надо бы вторую, помладше. Потом появилась еще одна, еще младше - чтобы смена была, преемственность поколений. Итак: с 1-го по 3-й класс, с 3-го по 5-й, с 5-го по 7-й. Так что уже в свои 13 лет я режиссировал такие непростые вещи.

- А как вы в Москву-то попали?

- Окончив театральное в Свердловске, поехал в Москву и поступил в ГИТИС на курс к Кнебель. Я искренне собирался вернуться в любимый Свердловск. Но после четвертого курса я оказался на практике в Театре Советской Армии, поставив там "Стрелу Робин Гуда", а потом на Таганке поставил "Надежды маленький оркестрик". Эти две работы я выпустил, будучи еще студентом. Так и остался в столице.

- Вы много снимаетесь в кино. Как вам, режиссеру, удается существовать в актерской ипостаси? "Внутренний режиссер" не бунтует?

- Я своих актеров учу, что артист - профессия изначально зависимая от режиссера. И в кино сам следую этой заповеди, не чувствуя себя ни униженным, ни оскорбленным. Актер – исполнитель. Как скрипач играет на заданную тему в оркестре, так и артист существует в рамках режиссерского замысла. Но весь материал я, конечно же, пропускал через себя. Ищу, чтобы роль стала для меня органичной. Я могу посоветовать режиссеру, спросить, можно ли так, но никогда не настаиваю.

- Последние фильмы с вашим участием из цикла "ДМБ", где вы сыграли роль Прапора, произвели неожиданный фурор. Чем вас привлекла эта роль?

- Сценарий "ДМБ" мне был интересен тем, что там существует какой-то другой язык, который я не очень понимаю. Да, это современная комедия, современный стеб. Мне было любопытно – что это такое. Может ли человек в этом существовать, а не просто стебаться? Может за этим быть какая-то судьба? Мне было интересно попробовать. Режиссер Роман Качанов сказал, что нужно, чтобы в этом Прапоре каждый узнал своего. Мне один человек, смотревший фильм, сказал: "Я за свою службу поменял 12 прапорщиков, и все – как ваш". Это хорошая оценка. Так как мой герой вызывает добрые воспоминания, смех, сожаление.

Меня многое коробило, но я был удивлен приемом - многие уважаемые мною люди оценили эту работу достаточно высоко.

- Сергей Николаевич, как будете отмечать день рождения театра?

- 10 лет – это небольшой рубеж, к нему надо отнестись философски. Встретим его в рабочем порядке премьерой нового спектакля "В тишине". Сейчас идут репетиции. Это пьеса, которую я ставил 10 лет назад в Театре комедии. Она тогда по некоторым причинам не пошла, но это была заявка на серьезное размышление. Сама история - драматическая, даже трагическая, о молодых людях, которые решили создать некоторую свою зону. Свой дом, в котором они могли бы жить по человеческим законам и правилам.

- Красивым?

- Красивым. Они решили совместными усилиями, поддерживая друг друга, выстоять, попытаться сохранить интерес к жизни, не поддаться разрушающему течению, в котором они барахтаются, и по возможности помочь другим людям.

- Удается ли это им?

- Нет, не удается. Двое из них погибают.

- Ну а в принципе такая ситуация возможна?

- Мне не хочется в свои пятьдесят терять веру в собственные юношеские мечты, идеалы, истины. Пусть даже вот таким путем – через театр, но мне все время хочется возвращаться к этим темам. (Возможно, кому-то все это и покажется немодным, несовременным.) Я вижу, как многих ломает жизнь. И мы часто даже забываем, какими были в юности наши мечты. Человек оправдывается: "Так уж сложилась жизнь, судьба". Но кто ее так сложил – это вопрос. И кто наш главный враг – это тоже вопрос. Меня лично эти размышления не отпускают. Мне хотелось бы, чтобы и наши зрители над этим задумывались почаще.

- Проблема человеческого одиночества часто звучит в ваших постановках...

- Мы все одиноки. И как-то очень уж смирились с этим. Но нам, несмотря ни на что, приходится вместе сосуществовать. И выстраивать, находить контакт. (*Ну и как тут не вспомнить о первой профессии Сергея Арцибашева?* – **Прим. авт.**)

Как это сделать? Это остается загадкой. Вот почему люди нашего времени, как и планеты, все время летают по разным орбитам? Поэтому это - одна из тем спектакля "Сон", предыдущей нашей премьеры, где играет Людмила Максакова. Может быть, самое дорогое, что есть на земле, – это возможность Прикосновения друг к другу.

- Что такое "театральная школа Арцибашева"? Каковы ее особенности?

- У нас маленький театр, и посему я могу себе позволить заниматься в нем глубокими вещами, не всегда видимыми, осязаемыми. Требования, как и у моих педагогов (тут я не придумывал ничего сверхнового), чтобы актеры были личностями, чтобы они развивались, имели бы смелость заглянуть в такие тайники души и организма, в которые мы не хотим заглядывать. Потому что иногда это страшно. Я стараюсь добиваться душевного стриптиза перед публикой, так как любой спектакль – это всегда личная исповедь актера, где он должен себя выворачивать наизнанку.

Самая сложная задача – познать самого себя. Иногда эти открытия бывают ужасны. Когда мы понимаем, что в определенных обстоятельствах могли бы совершить ужасные вещи. Но я считаю, что надо знать своих врагов в лицо. Да, человек может быть злым, плохим, отвратительным, жестоким. И я могу. Но надо ли это мне или нет? И если я становлюсь таким, то тут уже - мой выбор. И я должен за это отвечать. При этом я стараюсь амплитуду все время увеличивать, не только копая вниз, но и восходя вверх. Как говорил Достоевский, поле битвы – это сердца людей. Мне хочется, чтобы все мы осознанно делали свой выбор.

- Что вас больше всего волнует как режиссера?

- Самый главный и важный для меня вопрос – развитие творческого потенциала человека, возбуждение его. Мы ведь сами себя ограничиваем, ставим себе рамки: дальше не смогу, больше не буду. Мне важно разжигание этого творческого огня – у актера, у зрителя. Мне важно, чтобы зритель во время спектакля творил, почувствовал бы себя на месте того или иного героя. Чтобы он спросил себя, а могу ли я в этих обстоятельствах проявляться с такой же силой, вдохновением, отдачей, как этот персонаж? Творчество и сотворчество возбуждают высокое ощущение себя как Человека, ощущение своей причастности к какому-то великому модному процессу – обретению в себе человеколюбия, добра.

Я вот думаю: почему люди ходят в театр? За впечатлениями, конечно. Но есть и еще одна неосознанная вещь – подключение к истории, к бессмертию. Смотришь Шекспира, Лопе де Вега, Мольера, которые писали сотни лет назад, - и проживаешь эти истории сегодня. Вы не задумывались над тем, что в этот момент мы подключаемся к Вечности? Ты - в этом процессе. И это на какие-то мгновения или надолго снимает страх перед смертью.

Елена АНАТОЛЬЕВА.

После армии поехал в столицу поступать в театральное училище, но срезался. Кстати, все меня тогда отговаривали: "Ну посмотри на себя, ну разве бывают такие актеры?".

Самая сложная задача – познать самого себя. Иногда эти открытия бывают ужасны. Когда мы понимаем, что в определенных обстоятельствах могли бы совершить ужасные вещи. Но я считаю, что надо знать своих врагов в лицо.